

МОДЕРН – ПОСТМОДЕРН – ПОСТ-ПОСТМОДЕРН: ПРОБЛЕМА АВТОРСТВА В ЕВРОПЕЙСКОМ ИСКУССТВЕ

М.А.Можейко, доктор философских наук,
профессор, Белорусский государственный
университет культуры и искусств

Модернистская теория художественного творчества характеризуется идеей самовыражения автора в произведении: от программы “выражения субъективных состояний” (Л.Кирхнер) в экспрессионизме через экспликацию содержания сновидений в сюрреализме (“мое отличие от сумасшедшего состоит в том, что я-то не сумасшедший” – С.Дали) до художественной практики самоэкспонирования в концептуальном искусстве (классический вариант – С.Дан в “авангарде новой волны”, современный – Э.Гормли).

В отличие от модернизма *постмодернизм* оформляется на базе принципиальной переориентации с фигуры Автора на фигуру Читателя. По формулировке Р.Барта, Автор – отнюдь “не тот субъект, по отношению к которому произведение было бы предикатом”. В рамках парадигмальной фигуры “смерти Автора” традиция интерпретации художественного произведения как реконструкции исходного (авторского) его смысла (вплоть до понимания интерпретации в качестве “биографического анализа” у Г.Миша) сменяется в постмодернизме традицией “означивания” (Ю.Кристева): произведение понимается как аструктурное, т.е. организованное в качестве подвижной “ризомы”, подобной “колонне маленьких муравьев, покидающих одно плато, чтобы занять другое; каждое плато может быть прочитано в любом месте и соотнесено с другим” (Ж.Делез, Ф.Гваттари). Это позволяет говорить о радикальной децентрации произведения и принципиальной возможности структурировать его вокруг любого семантического узла. Текст произведения (вербальный, музыкальный или живописный) понимается как нарратив (рассказ, который всегда может быть пересказан по-иному) и потому должен быть не понят (реконструкция смысла), но “означен” (создание смысла). По Ф.Джеймисону, собственно, именно нарративная процедура и “творит реальность”. Текст, понятый как “эхокамера” (Р.Барт), лишь возвращает субъекту привнесенный им смысл: в

качестве “источника смысла” выступает Читатель (Ч.Х.Миллер), т.е., как писал Х.-Г.Гадамер, “игра речей и ответов доигрывается во внутренней беседе души с самой собой” [2, с. 139].

Это не значит, однако, что фигура Читателя занимает ту позицию, которая прежде была занята фигурой Автора (как писал Х.-Г.Гадамер, “игра речей и ответов доигрывается во внутренней беседе души с самой собой” [2, с. 139]). Постмодернизм констатирует парадигмальный поворот в интерпретации самого феномена субъекта: не только психологически артикулированный (так называемый “вожделирующий”) субъект фрейдистского типа, но и рациональный субъект типа декартовского уступают место деперсонифицированной презентации культурных смыслов: субъект растворяется в “культурных кодах знакового порядка” (Ж.Лакан).

Идущая от философского и художественного модернизма (от структурного психоанализа и дадаизма прежде всего) линия антипсихологизма как растворения субъективности в семиотическом пространстве находит в постмодернизме свое полное выражение. В контексте общей антипсихологической ориентации постмодернизма конституируется парадигма “смерти субъекта”. Утрата субъектом психологической артикуляции приводит к тому, что он не только деперсонифицируется (теряет личностные качества, становится “кодом, не-личностью, анонимом”), но и исчезает в целом: “...он – ничто и никто, он становится зиянием, пробелом” (Ю.Кристева).

Фундаментальной основой постмодернистской трактовки художественного произведения является, таким образом, акцент не на фигуре субъекта (герменевтическая и психоаналитическая традиции) и не на объективных его гештальтных характеристиках (традиция структурализма) – идея интерпретации сменяется идеей “экспериментации” (Ж.Делез), т.е. генерации смысла как “плюрального самодвижения текста” (Дж.В.Харрари).

В современной культуре в рамках *пост-постмодернистского типа* философствования оформляется тенденция переосмысления описанной стратегии, закладываются основы для формирования стратегии новой – коммуникативной. В ее основе лежит идея о том, что расщепленное Я может обрести свое единство лишь в контексте субъект-субъектных отношений. Современная культура обозначается Ж.Бодрийяром как культура “экстаза коммуникации” [3]. Если в классическом постмодернизме Другой

интерпретировался как внешнее (социокультурное) содержание структур бессознательного, то современный пост-постмодернизм задает концепту Другой новую коммуникационную интерпретацию: фрагментированный субъект может быть собран только посредством Другого.

Оформление этой философской парадигмы осуществляется на базе синтеза идей диалогизма, высказанных в рамках неклассической философии (экзистенциальный психоанализ, философская антропология, философская герменевтика, философия аджорнаменто и философская концепция языковых игр). Прежде всего сюда относятся идеи о “коммуникативном существовании”: “бытие-с” у М.Хайдеггера, “со-бытие с Другим” у Ж.-П.Сартра, “бытие-друг-с-другом” у Л.Бинсвангера, “отношение Я – Ты вместо Я – Оно” у М.Бубера, “преодоление отчаяния благодаря данности Ты” у О.Ф.Больнова, “малый кайрос” как подлинность отношения Я с Ты у П.Тиллиха и т.п.

В рамках данной парадигмы чрезвычайно актуальное звучание обретает тезис Ж.-П.Сартра: «Мне нужен другой, чтобы целостно постичь все структуры своего бытия, Для-себя отсылает к Для-другого». Подлинное бытие Я возможно лишь как “бытие-с-Пьером” или “бытие-с-Анной”, т.е. “бытие, которое в своем бытии содержит бытие другого» (Ж.-П.Сартр). Способ бытия есть, по Ж.-П.Сартру, “быть увиденным Другим”. Аналогично, по Х.-Г.Гадамеру, механизм конструирования Я основан на “опыте Ты”, и главное содержание этого опыта есть “свободное перетекание Я в Ты”. Каждый из коммуникативных партнеров не только “является значащим для другого”, но и “обусловлен другим” [2, с. 130–141]. Именно поэтому, по словам Э.Левинаса, «каждый, кто говорит “Я”, адресуется к Другому» [4]. В такой системе отсчета возможна лишь единственная форма и единственный способ бытия Я – это бытие для Другого, зеркало которого заменило собою разбитое зеркало прежнего объективного и объектного мира классической культуры.

В противоположность классической и модернистской традициям, в рамках которых определенность человеческого сознания задавалась его интенцией отношения к объекту, и в противоположность постмодернистской классике, в рамках которой децентрированная субъективность неизменно была погружена в объективную для индивида семиотическую среду, современный пост-постмодернизм определяет сознание посредством фиксации его интенции на отношение к Другому. Вектор отношения субъекта

к Другому в пост-постмодернистском его видении – это “метафизическое желание” [5, с. 41], репрезентированное в грамматическом звательном падеже.

Пост-постмодернистская трактовка механизма обретения субъектом самости посредством Другого может быть рассмотрена на примере концепции языковых игр К.-О.Апеля, где язык понимается не в контексте субъект-объектных процедур прагматического или когнитивного порядка, но в контексте субъект-субъектных коммуникаций, которые в принципе не могут быть сведены к передаче сообщений. Язык выступает в этом контексте не столько механизмом объективации информации или экспрессивным средством (что означало бы, соответственно, объективистскую или субъективистскую его акцентировку), сколько медиатором понимания в контексте языковых игр. Если трактовка последних Л.Витгенштейном предполагала опору на взаимодействие между субъектом и текстом, а в понимании Я.Ю.Хинтикки – на взаимодействие между *Я* и реальностью как двумя игроками в игре, ставка в которой – истинность высказывания, то К.-О.Апель трактует языковую игру как субъект-объектное отношение, участники которого являются собой друг для друга текст как вербальный, так и невербальный [1, с. 202–220]. Это задает особую артикуляцию понимания как взаимопонимания, восстанавливая в правах классическую для философской герменевтики презумпцию понимания как реконструкции имманентного смысла текста, выступающего у К.-О.Апеля презентацией содержания коммуникативной программы коммуникативного партнера. Выступая в качестве текста, последняя не подлежит произвольному означиванию и, допуская определенный (обогащающий коммуникационную игру) плюрализм прочтения, тем не менее предполагает аутентичную трансляцию семантики речевого поведения субъекта в сознание Другого, который вне этой реконструкции смысла не определяется как коммуникативный партнер. Ставкой в игре оказывается не истина объектного, но подлинность субъектного. Результатом коммуникации, согласно данной парадигме, выступает вновь обретенное *Я* как *Я*, найденное, по Ж.Делезу, “на дне Другого”.

---

1. Апель, К.-О. Трансцендентально-герменевтическое понятие языка / К.-О.Апель // От Я к Другому: сб. переводов по проблемам интерсубъективности, коммуникации, диалога. – Мн., 1997.

2. Гадамер, Х.-Г. Человек и язык / Х.-Г.Гадамер // От Я к Другому: сб. переводов по проблемам intersубъективности, коммуникации, диалога. – Мн., 1997.

3. Baudrillard, J. Extasy of Communication / J.Baudrillard // Postmodern Culture / ed. by H.Foster. – L., 1998.

4. Lévinas, E. Autrement que savoir / E.Lévinas. – P., 1988.

5. Lévinas, E. Totalité et Infini. Essai sur l'exteriorité / E.Lévinas. – К.А.Р., 1988.

РЕПОЗИТОРИЙ БГУКИ